

«ОН ПРЕОБРАЗИЛ НАШУ ДРАМУ»

ПОЛУЧАЯ в 1930 году Нобелевскую премию, Синклер Льюис сказал: «За каких ни будь десять — двенадцать лет он совершенно преобразил нашу драму, превратив ее из ловко состряпанной фальшивки в великолепный, страшный и величавый мир...»

Он сказал это о Юджине О'Ниле. Когда ранней весной 1916 года Джон Рид пригласил Юджина приехать в тихий рыбацкий поселок на берегу Атлантики, он не подозревал, что Провинстаун войдет в историю американского театра. Здесь группа прогрессивной артистической молодежи бросила вызов коммерческому духу и меланхолической сентиментальности Бродвея. Они сами писали пьесы и сами сколачивали скамейки. Тут впервые была поставлена пьеса Юджина О'Нила — миниатюра «К востоку, на Кардифф». Так родилась труппа «Провинстаун плейерз».

Театр нашел своего драматурга. Драматург нашел свой театр. Через четыре года О'Нил получает Пулитцеровскую премию. Он обладал подлинной художнической страстью — двенадцать пьес за пять лет! Среди них образцы драматического искусства — «Косматая обезьяна», «У всех детей господ бога есть крылья», «Страсти под вязами». Все эти годы О'Нил думал о на-

К 75-летию со дня рождения
Юджина О'Нила

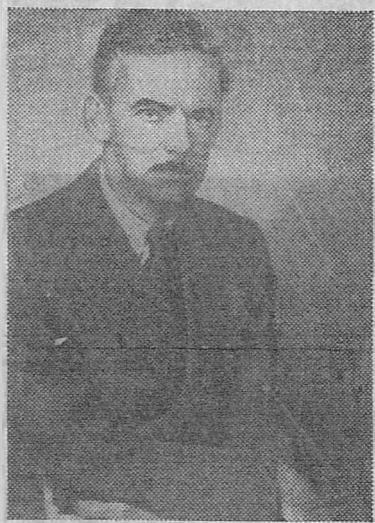
значении и средствах театра — в этом отношении показательно публикуемое ниже интервью, данное им корреспонденту «Нью-Йорк геральд трибюн» в 1924 году.

Потом в творчестве О'Нила обозначился перелом. На страну надвигался кризис. А драматург, одержимый мыслью стать американским Эсхилом, ищет покоя, отворачивается от бурной действительности 30-х годов. Искусство жестоко мстит ему за это. Следует затяжной творческий и душевный кризис.

В последний период своей жизни О'Нил снова, видимо, осознал непреложную истину: большое искусство создается на путях реализма. Пьеса «Долгий день уходит в ночь» почти с прежней силой обличает стяжательство и эгоизм.

Давняя болезнь помешала Юджину О'Нилу осуществить грандиознейший, может быть, замысел. Драматург самоотверженно работал над циклом историко-бытовых драм «Сказание о собственниках, обокрашенных самих себя». Из одиннадцати пьес пять незаконченных драм писатель уничтожил незадолго перед смертью в 1953 году. Свет увидели только три.

Г. ЗЛОВИН

ющими лицами вроде «Банковского клерка». Вот тут-то я и расхожусь с теорией экспрессионистов. Я не верю, что характер является преградой авторской идее на пути к зрителю. Заслуга экспрессионистов в том, что они внесли в драму большую динамичность... Я частично использовал этот метод в «Косматой обезьяне». Но Янк остается живым человеком, иначе его и не воспринимают.

Я считаю «Цену славы»* самым значительным явлением в истории нашего театра. Просто великолепно, что первая настоящая, правдивая пьеса о войне появилась в самой реакционной стране мира. Еще более обнадеживает всех любителей театра то, каким огромным успехом пользуется она у зрителя — ведь даже года два назад такая пьеса могла идти только на дневных представлениях или для избранной публики.

Сейчас я почти не бываю в театре, хотя читаю все пьесы, которые могу раздобыть. Я не бываю в театре потому, что всегда могу мысленно поставить спектакль куда лучше, чем тот, что увижу на сцене. Мне это интереснее, и никто не мешает. Никто не хихаёт во время любившихся мне эпизодов. Не хожу я и на собственные пьесы; с тех пор, как они начали ставиться, я видел лишь три из них. Дело в том, что я вырос практически в театре, за кулисами, и знаю технику актерской игры. Я знаю, что делает в театре каждый — от осветителя до рабочего сцены. Так что мне видно, как действует весь этот механизм, если только пьеса не поставлена совершенно блестяще и актеры несравненны. Кроме того, всякий раз, когда я смотрю свою пьесу, я захожу в каждую роль и переживаю так сильно, что к концу спектакля бываю, как выжатая мочалка».

мим собой, с собственным прошлым в стремлении определить свое место.

Самые совершенные пьесы без интриги принадлежат Чехову. Но новейшее поветрие в драматургии, экспрессионистская пьеса, противоположно драме характеров. Экспрессионизм отрицает драматический характер. Как я понимаю, экспрессионисты пытаются свести до минимума все то на сцене, что может встать между автором и зрителем. Автор-экспрессионист стремится обращаться непосредственно к зрителю. Насколько я разбираюсь, они считают, будто характер в драме чересчур занят собой и своими поступками в ущерб идее. Многие, наверное, проклянут меня за это высказывание: ведь у каждого свое представление об экспрессионизме, а у меня оно сложилось из того, что я читал об этой теории.

Я думаю, что нельзя успешно внушить зрителю идею иначе как посредством человеческих характеров. Когда действуют абстрактные фигуры, например, «Мужчина» или «Женщина», то утрачивается тот контакт, когда зритель узнает себя в героях пьесы. Пример экспрессионизма этого рода — «С утра до полуночи»* с абстрактными дейст-

* Пьеса нем. драматурга Г. Кайзера.

* Антивоенная пьеса М. Андерсона и Л. Столлингса.

Юджин О'Нил: ТЕАТР И ЕГО СРЕДСТВА

«Меня теперь уже не привлекает одноактная пьеса. Эта форма недостаточна, тут не развернешься. Правда, одноактная пьеса — прекрасное средство для чего-нибудь одухотворенного, поэтического, для того настроения, которое трудно сохранить в большой пьесе. Мой цикл, который ставит «Провинстаун», состоит из отдельных законченных вещей, и все-таки в них фигурирует команда одного и того же корабля, как бы сплавляя четыре одноактные пьесы в одну большую драму. Я не претендую на оригинальность — ведь то же самое сделал Шницлер в своем «Анатоле». И, бесспорно, не только он.

Многие действующие лица в моих драмах, особенно морские характеры, подсказаны реальными людьми. Я не верю в какое-то особое заступничество. «На дне» Горького, великая пролетарская революционная драма, является более действенной, чем любая другая пьеса, пропагандой в пользу униженных просто потому, что она не содержит пропаганды, а показывает людей, как они есть, то есть правду в образах человеческой жизни. Когда же автор намеренно вводит в пьесу пропаганду, драма становится дозодом в споре.

«Косматая обезьяна» тоже была пропагандой — в том смысле, что она показывала человека, который утратил ту гармонию с природой, которая существовала, когда он пребывал в животном состоянии и не достиг новой, в духовном отношении. Не в состоянии обрести гармонию ни на земле, ни на небесах, он оказался где-то посередине, пытаясь примирить их, но получая лишь «с обеих сторон удары кулаком». Эта мысль выражена в заключительном монологе Янка. Зрители видели только кочегара, не улавливая обобщения... Янк не может идти в будущее, поэтому он пытается идти назад. Вот что означает его рукопожатие с гориллой. Но он и в прошлом не находит своего места. Горилла убивает его. Это древняя тема, она была и навсегда останется единственной темой драмы: человек в борьбе с собственной судьбой. Прежде борьба велась с богами, теперь человек борется с са-